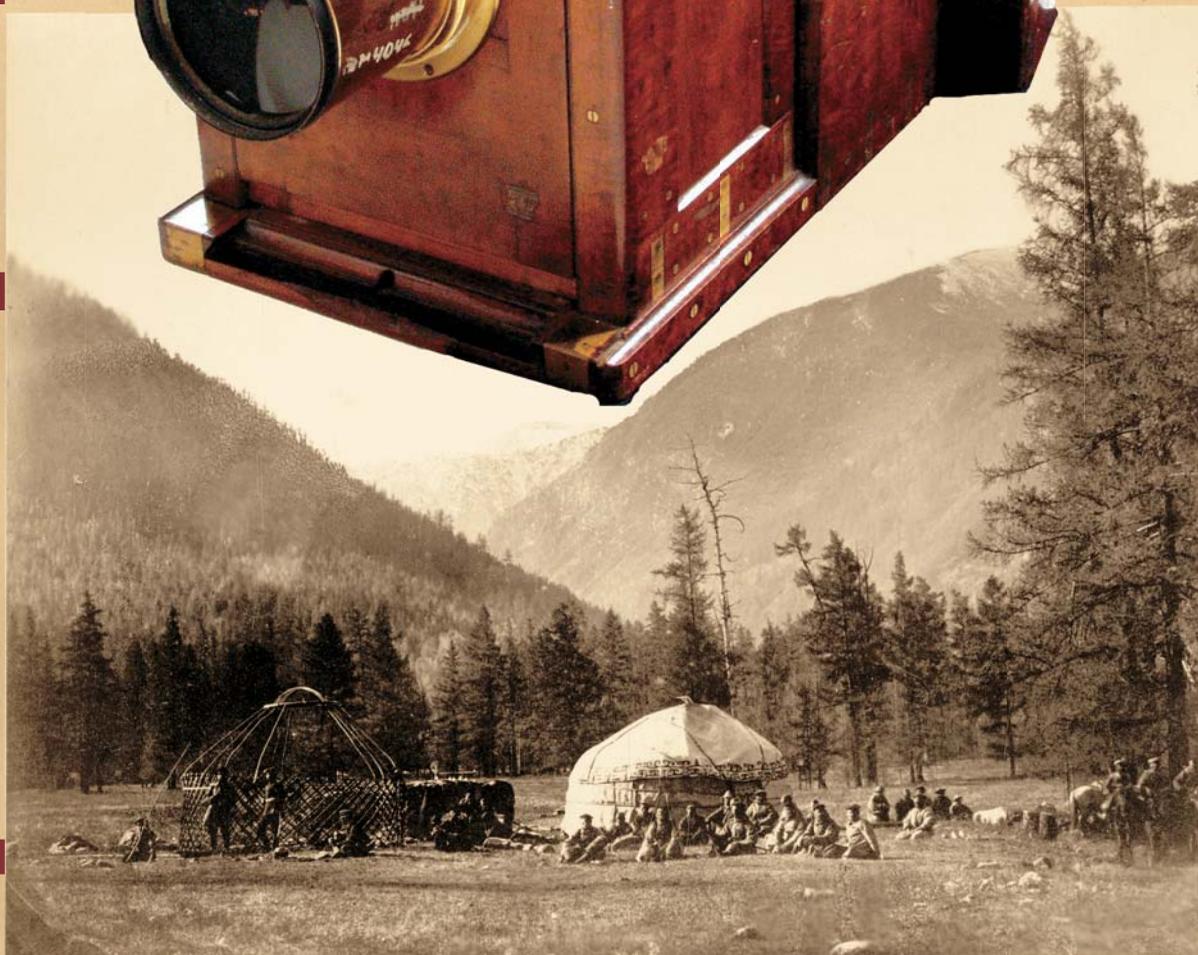

Н. П. МАТХАНОВА, Е. В. БАРХАТОВА

Её превосходительство

фотограф

Фотографы, как и художники и писатели, обладают своего рода философским камнем – способностью наделять бессмертием героев своих произведений. Но, по иронии судьбы, сами они часто остаются за кадром.

В этом смысле Лидии Полторацкой, потомственной дворянке, первой даме огромной пограничной территории России и одной из первых русских женщин-фотолюбителей, повезло. И пусть мы не знаем многих важных дат ее биографии, пусть не сохранилось ни одного ее портрета и даже само имя ее было предметом споров... Сегодня, благодаря дошедшим до нашего времени мемуарам и «светописным» изображениям, у нас есть возможность в прямом смысле слова взглянуть на мир глазами незаурядной женщины XIX в.

Супруги глав местных сибирских администраций XIX в., несмотря на сходство их статуса, очень отличались друг от друга. Среди них были и высокообразованные, и малограмотные, светские львицы и домоседки, женщины, разделявшие ценности тогдашнего патриархального общества, и склонные к эмансипации. К последним, несомненно, принадлежала Л. К. Полторацкая, увлекавшаяся очень редким для того времени и той среды занятием – фотографией.

Одна из первых в России женщин-фотолюбителей вошла в историю как автор уникального альбома «Виды и типы Западной Сибири» (1879), получившего

▶ Павильонная фотокамера «Мигер» – единственная сохранившаяся в России фотокамера эпохи мокроколлодионного процесса. ФГУК «Политехнический музей»

МАТХАНОВА Наталья Петровна – профессор, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск). Автор более 100 научных работ по истории управления, культуры и мемуаристики

БАРХАТОВА Елена Валентиновна – кандидат искусствоведения, заведующая отделом эстампов Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург). Автор более 50 научных работ по истории русской культуры, печатной графики и фотографии

высокое признание в научных кругах. Будучи спутницей своего мужа, военного губернатора Семипалатинской области генерал-майора В. А. Полторацкого, в труднейших путешествиях по малоизученным и необжитым местам, она сумела запечатлеть красоту природы и быт обитателей Алтая и Казахстана второй половины XIX в.

Несмотря на эти достижения, основные вехи биографии Полторацкой можно восстановить преимущественно по документам ее отца и мужа. Даже имя ее удалось установить не сразу: в ряде справочников ее именуют не Лидией, а Любовью. Подлинное же имя жены семипалатинского губернатора можно легко узнать из справочников XIX в. – *Адрес-календарей* и *Памятных книжек*.

Больше всего информации о взглядах, привычках, интересах Лидии Константиновны можно почерпнуть из ее мемуарных очерков «Поездка по китайской границе

от Алтая до Тарбагатай» (1871) и «Бременская экспедиция в Семипалатинской области» (1879), где описаны ее поездки вместе с мужем по югу Западной Сибири, включая современный Северный Казахстан.

Жена губернатора

Лидия Константиновна родилась в начале 1830-х гг. в семье петербургского писателя К. П. Масальского, автора популярных в свое время исторических романов. У него было несколько детей от двух браков, которым он практически ничего не оставил в наследство.

Тем не менее Лидия, очевидно, получила неплохое образование. Немецкий ученый и путешественник О. Финш так писал о ней и ее муже в 1876 г.: «Любезные хозяева говорили по-немецки, английски и французски так же свободно, как по-русски» (Финш, 1882, с. 87).

только оказанием помощи бедным, но и организацией лотерей и любительских спектаклей. Это была распространенная практика. Не совсем обычным было «персональное попечение» губернаторши над отдельными семьями: в частности, под ее опекой находилось 15 семейств с малолетними детьми**. При этом много времени и сил она отдавала воспитанию своих детей: дочери и двух сыновей.

Как и все высокопоставленные дамы, Полторацкая должна была также «вести дом», быть гостеприимной хозяйкой в любой обстановке. Вот как писал Финш о встречах с их семьей далеко в горах: «Несмотря на поздний час, генеральша встретила нас с обычным радушием, и скоро мы сидели в великолепно убранной юрте, за превосходным ужином» (Финш, 1882, с. 93).

Сибирская амазонка

Жена губернатора Семипалатинска сам город не любила, предпочитая ему Усть-Каменогорск, и не скрывала этого. Полторацкая писала: «Даже в отношении зданий Усть-Каменогорск далеко превзошел убогую столицу наших мест, напоминающую своими улицами

* Рукописный отдел Института русской литературы РАН, ф. 120, оп. 1, д. 253

** Семипалатинские областные ведомости, часть неофиц., 1875, № 3, с. 10–11

с покосившимися набок домиками, без крыш и с залепленными бумагой, точно бельмом, окнами, ряды оборванных и общипанных калек, стоящих в две шеренги на папертях». Горькая ирония сквозит в последних строках записок о поездке в 1870 г.: «Наконец 10-го сентября мы вступили в благодатный, для лихорадок и чахотки, град Семипалатинск. Строил его немец; привольно в нем жить только верблюду» (Полторацкая, 1871, с. 581, 661).

Жена семипалатинского губернатора сам город не любила. Подобное отношение становится понятным, когда видишь, насколько невыразительно и убого выглядит Семипалатинск на снимке Полторацкой из ее альбома.

О том же свидетельствует и описание города из пояснительной записки к фотографии: «Семипалатинск, состоя преимущественно из деревянных строений, походит скорее на большую деревню. Одежда татар, бухарцев и киргизов (киргизами или киргиз-кайсаками в XVIII–XIX вв. называли казахов. – Н. М.); караваны вьючных верблюдов, дома, крытые дерном, и на улицах женщины в покрывалах придают городу восточный характер» (Альбом типов и видов..., 1879, с. 11). Впечатление восточного города усиливалось видом главной мечети Семипалатинска – одного из наиболее красивых среди немногих каменных зданий города

Подобное впечатление не было чем-то исключительным. Примерно так же, хотя и менее эмоционально, отзывался об этом городе Финш: «Семипалатинск очень раскинут и состоит преимущественно из деревянных домов, представляющих местами жалкий и полуразрушенный вид. Особенно унылое впечатление производят предместья, где мелкий сыпучий песок образует настоящие дюны около домов и на улицах...» (Финш, 1882, с. 91).

Поездки по области примиряли эту петербурженку с жизнью на далекой от привычной европейской цивилизации окраине.

В. А. Полторацкий был известным путешественником, и его жена разделяла это увлечение. Как видно из ее очерков, она хорошо ездил верхом и любила это занятие. Однажды Полторацкая пустилась наперегонки с переводчиком: «Ничего нет увлекательнее, как лететь по степи на хорошей лошади; киргизские лошади особенно прелестны тем, что сама она входит в азарт от соревнования; нагайкой и не трогай, только крикнешь ей над ушами, да увидит, что другая лошадь обходит, так и летит, насколько хватает быстроты, летит так, что дух захватывает, в ушах воздух свищет, чувствуешь

Она была не чужда и литературы, о чем говорят не только ее путевые записки, но и строки из случайно сохранившегося отрывка юношеского дневника: «Я начала писать повесть, но не знаю, что из нее выйдет»*.

Ее муж, Владимир Александрович Полторацкий, был человеком незаурядным. После окончания Военной академии с малой серебряной медалью его приняли на службу в Генеральный штаб, где он заведовал азиатскими делами. Он много и успешно занимался картографией. В 1868–1877 гг. Полторацкий состоял в должности военного губернатора пограничной Семипалатинской области, входившей в состав генерал-губернаторства Западной Сибири. Во время губернаторства

семья несколько раз выезжала в Петербург и в Омск – тогдашний центр Западной Сибири, но чаще поездки осуществлялись в далекие уезды и посты.

Положение жены губернатора здесь было несколько иным по сравнению не только с центральными губерниями европейской России, но и с обычными сибирскими. Общество состояло почти исключительно из военных, образованных, сколько-нибудь светских женщин совсем было мало.

Полторацкая, по существовавшим тогда правилам, была попечительницей женской прогимназии и одновременно возглавляла местное дамское попечительное о бедных общество. Общество занималось не

В 1839 г. почти одновременно были обнародованы две первые технологии изготовления фотографических снимков. Француз Л. Ж. М. Дагер, опираясь на многолетние исследования Ж. Н. Ньепса, сумел получить и закрепить изображение на посеребренных медных пластинах, предварительно подвергнутых действию паров йода (впоследствии они получили название дагеротипов). А англичанин В. Г. Ф. Тальбот открыл негативно-позитивный фотографический процесс, позволяющий получать и тиражировать бумажные отпечатки.

«ДЛЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ СКЛОННОСТЕЙ ОБШИРНОЕ ПОПРИЩЕ»

Фотография стала одним из атрибутов нынешней жизни, а съемка, особенно после появления цифровых камер, – одним из самых распространенных увлечений. Сегодня наши современники даже не задумываются о том, что на заре своего существования фотографирование было трудоемким и небезопасным делом.

Оба фотографических метода в 1840–50-е гг. развивали и совершенствовали ученые и энтузиасты-фотографы из разных стран. В качестве негативной основы использовался металл, бумага, а затем и стекло, которое покрывали всевозможными веществами – декстрином, клейстером, яичным белком и т. п. К началу 1860-х гг. почти повсеместно вошел в употребление достаточно трудоемкий, но дающий хорошие результаты мокроколлодионный процесс съемки. Вот как описал его историк русской фотографии С. А. Морозов:

«Стеклянную пластинку перед съемкой обливали жидким коллодием – раствором пироксилина в смеси спирта с эфиром и солями йода или брома. Давали коллодию застыть, затем погружали пластинку в раствор азотнокислого серебра: коллодированный слой становился светочувствительным. Фотографировали на мокрых пластинках. Негатив затем проявляли и закрепляли

вроде опьянения и хочется еще скорей, скорей, точно крылья выросли за плечами, и вот-вот, если лошадь не пойдет еще быстрее, кажется, бросишь ее и полетишь сама! Что и случается, да только через голову на землю» (Полторацкая, 1871, с. 634).

Она одинаково уверенно держалась и в дамском, и в обычном

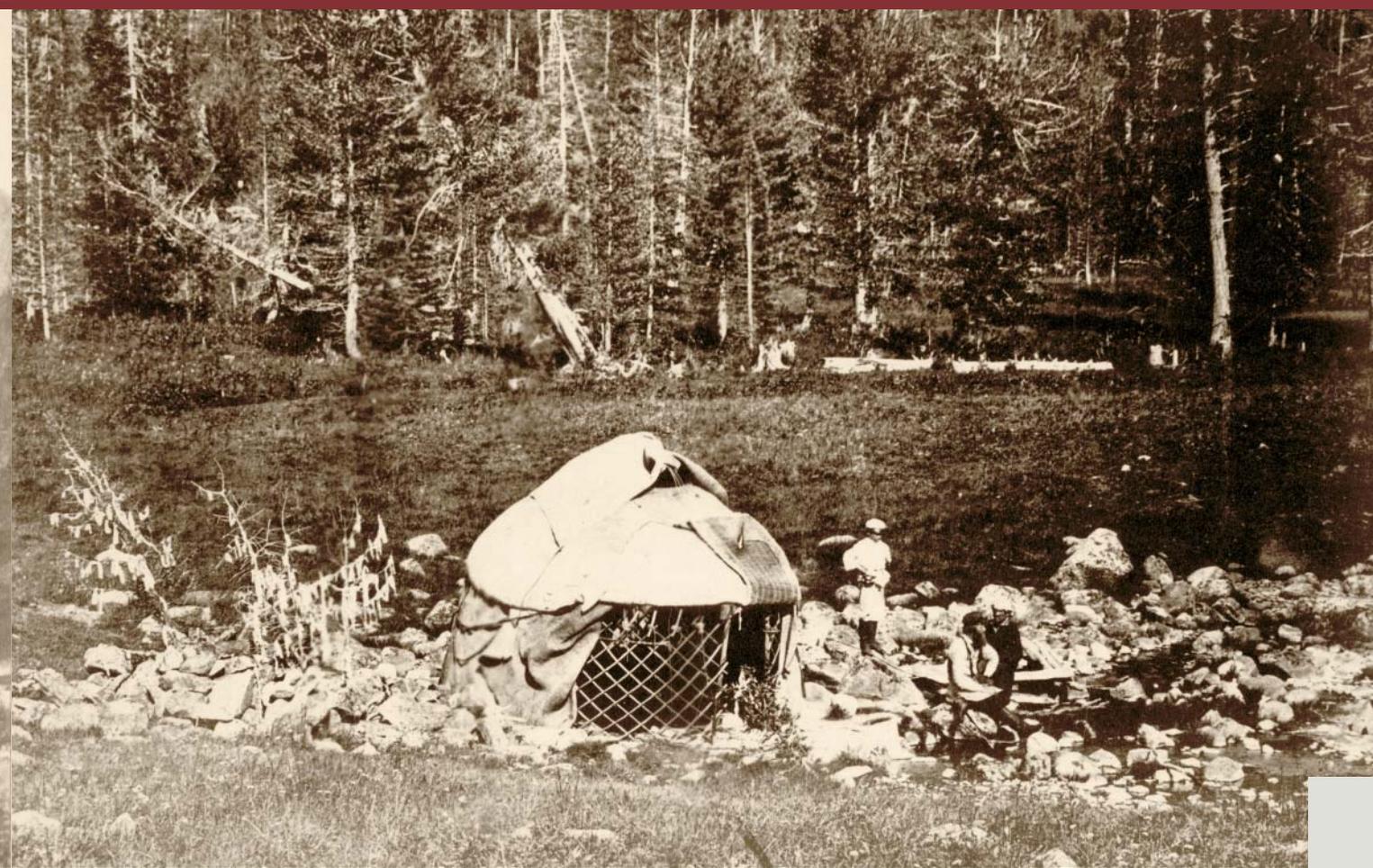
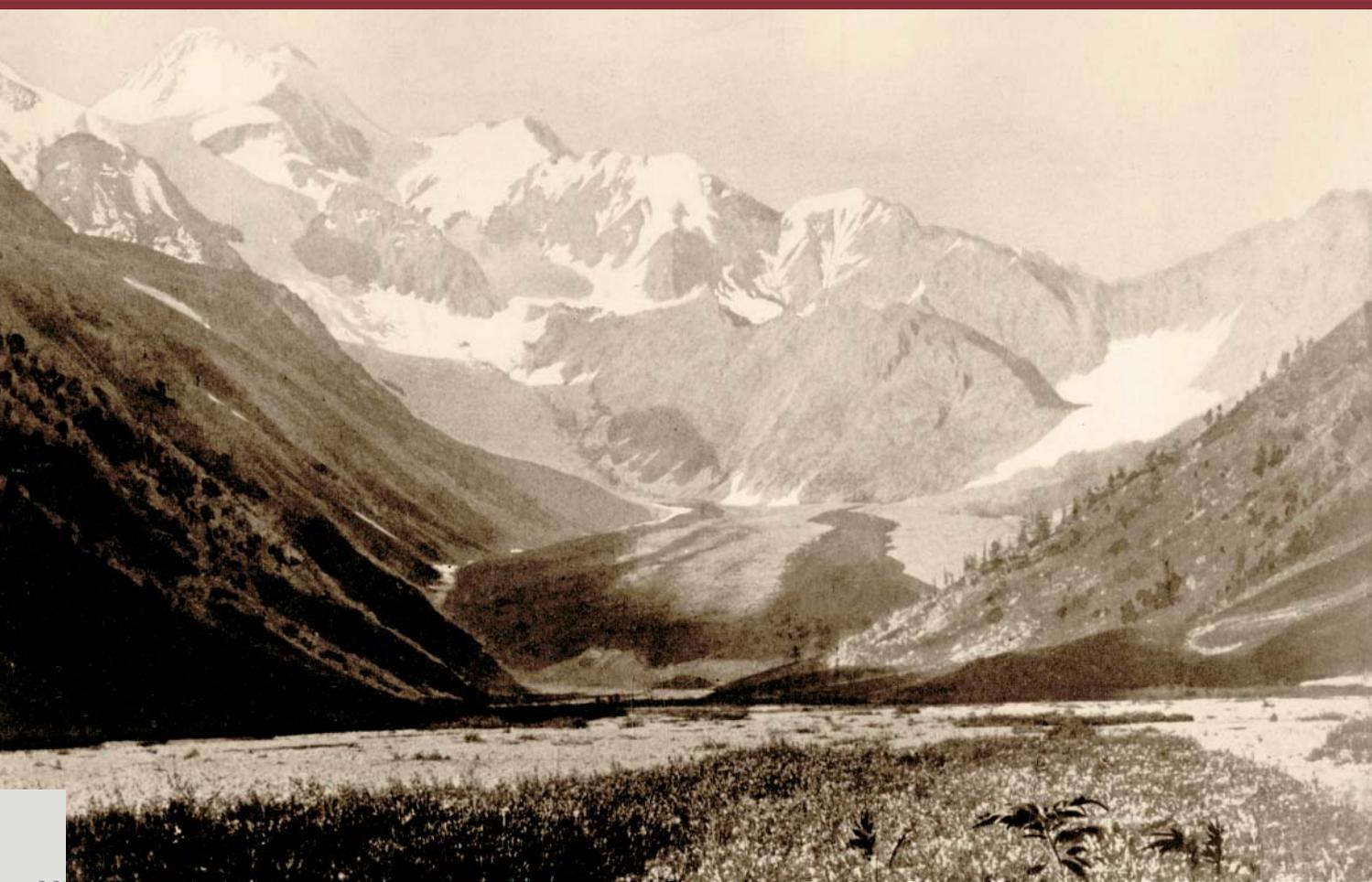
Пояснения к фотографиям в альбоме Л. К. Полторацкой наводят на мысль об участии в этом издании В. А. Полторацкого, много занимавшегося картографией. Вот описание Катунского ледника: «От разделяющей ледник скалистой стены спускается массивная центральная морена, сначала узкою, невысокою полоскою, которая потом расширяется, занимая большую часть ледника. Вдоль правой половины тянутся несколько узких полос морен второстепенных ледников. Конечная морена мало заметна; впереди нее виден отдельный разрушающийся холм прежней морены, свидетельствующий, что ледник отступил назад» (Альбом типов и видов... 1879, с. 6).

седле, но предпочитала последнее, как и мужской костюм. В этом не было стремления к эпатажу – в дамском седле по горным тропинкам просто невозможно было проехать.

Путешественница была смелой и решительной. Финш, описывая случай на охоте, прямо указывал: «Многие хватились за ружья, вскочили на лошадей и под предводительством генеральши, как и всегда самой решительной из всех, – пустились в погоню» (Финш, 1882, с. 96).

В ее собственных записках зафиксировано немало рискованных приключений и эпизодов. Вот кони понесли тарантас, и все пассажиры вывалились из него. Серьезные ушибы получили и Лидия, и ее муж, но все снова сели

Дети Полторацких часто путешествовали вместе с родителями, испытывая все трудности поездок и порой подвергаясь опасностям. Мальчик в военной форме на фотографии, запечатлевшей путешественников на Рахмановских теплых ключах – очевидно, один из двух их сыновей, Саша Полторацкий

в соответствующих составах» (Морозов, 1953, с.12). Понятно, что в походных условиях применение подобной техники было чрезвычайно сложным делом. Необходимые приборы и оборудование были столь громоздки и тяжелы, что в 1876 г. знаменитый географ и путешественник Н. М. Пржевальский отказался взять с собой фотографические принадлежности из-за их непомерного веса. Тем не менее фотографию начали активно использовать географы, археологи, этнографы

и представители других наук при проведении полевых работ, экспедиционных исследований. Уже в 1858 г. Императорское Русское географическое общество наградило золотой медалью Н. И. Второва, одним из первых применивших фотографию в научных целях: к своему исследованию о населении Воронежской губернии он присоединил фотоальбом костюмов и типов будущего известного московского фотографа М. Б. Тулинова. Первые снимки в Сибири были сделаны

в 1866 г. фотографом П. А. Лопатыным во время Туруханской экспедиции, возглавляемой его братом, известным исследователем и путешественником И. А. Лопатыным. В 1867 г. в Москве состоялась Российская этнографическая выставка, где экспонировалось около двух тысяч снимков, которые были сделаны не только профессиональными фотографами, но и членами научных обществ, губернскими статистическими комитетами, военными и административными чинами. Выставка

получила огромную известность. Она способствовала развитию видового и этнографического жанров в русской фотографии, приобщив к ней как специалистов, так и любителей.

Судя по каталогу выставки, много фотографий из Сибири было доставлено в Москву бароном Брандисом. Вероятно, именно его стараниями сделаны

в тот же тарантас, запряженный тем же коренником, о котором было сказано – «красота лошадь!» (Полторацкая, 1871, с. 586.).

Или другой случай, когда Полторацкая с сыном с риском для жизни переправляется через горную реку («чувствую, как лошадь шатается подо мной, гнет ее кольцом, вода хлещет в бок, так что мне хватает до колен, и, главное, душа дрожит за Костю»). А вот путешественники спускаются по крутой и каменистой дороге, где «после дождя камни скользкие, между камнями

жидкая грязь». Теряют ночью дорогу, но благополучно ее находят: «Ямщики перекликнулись и пустились дальше. Около полуночи взошла луна и осветила местность; по обеим сторонам дороги теснились громадные деревья; местами они редели, и слева открывалась долина, справа темнели горы... Давно не жилось так хорошо, как в эту ночь» (Там же, с. 597–599).

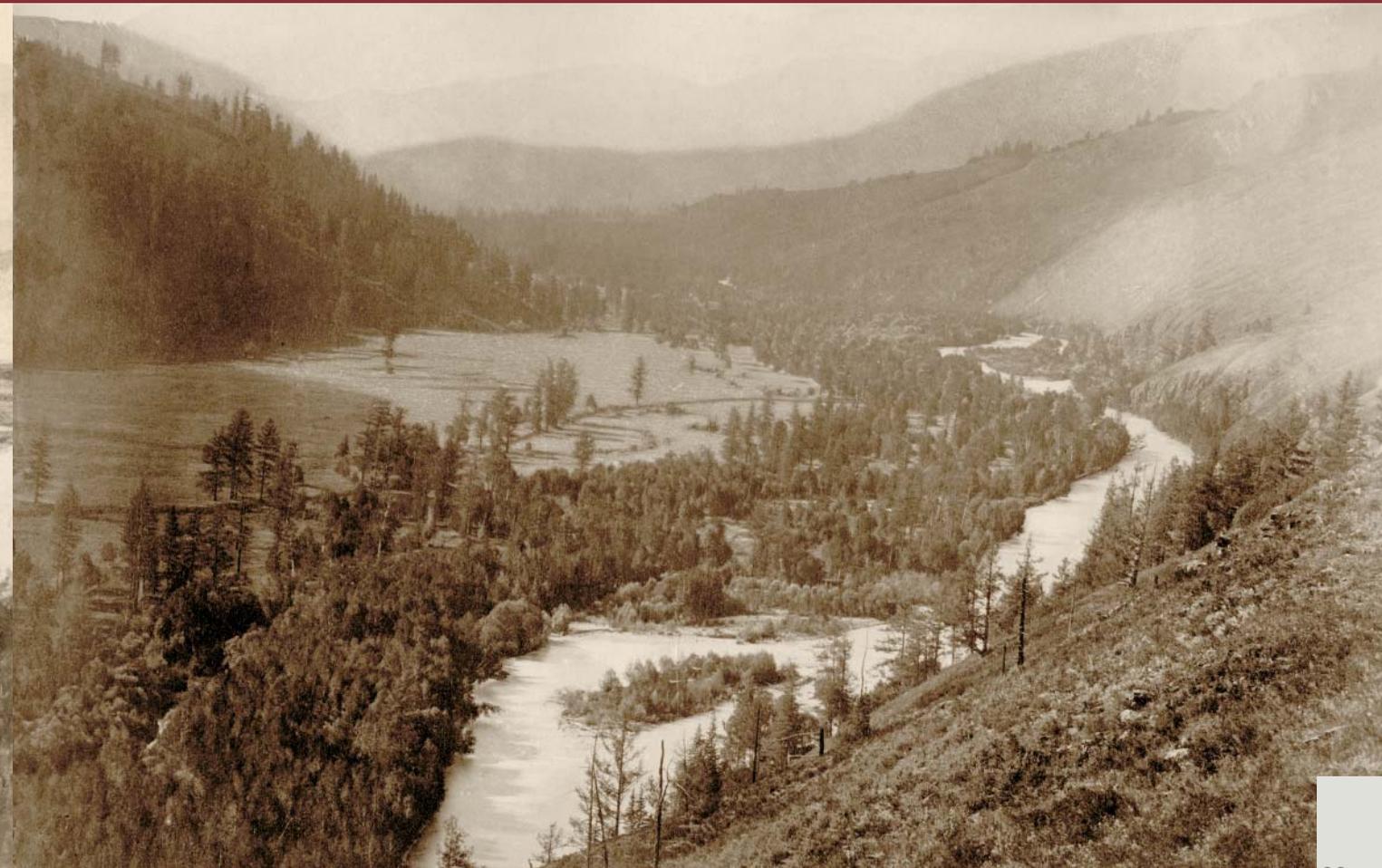
Дети часто участвовали в поездках. Мать боялась за них, но, очевидно, сознавала необходимость подобного воспитания для мальчиков, сыновей генерала. И все

же материнский страх, естественный при встрече с реальной угрозой, порой брал верх. Когда они с сыном ползли по горной осыпи «на коленях и локтях», она «от тревоги и не чувствовала боли... главное, как мой Костя». И едва выбравшись на твердую почву, подумала: «Если бы несколько минут тому назад там, на осыпи, меня приговорили расстрелять за то, что я потащила ребенка на такую опасность, я бы не пикнула» (Там же, с. 613).

Первая дама с объективом

Что касается фотографии, то в своем первом очерке, описывающем путешествие 1870 г., Л. К. Полторацкая не упоминала об этом увлечении.

На снимках, сделанных в сложных походных условиях с помощью несовершенной техники, Л. К. Полторацкой удалось передать поэтическую первозданную прелесть далекого пограничного края России. На фото – р. Бухтарма и бухтарминская долина

и снимки, вошедшие в состав пятитомного «Альбома Амура, Восточной Сибири, Западной Сибири и Урала» (хотя В. В. Стасов писал, что «фотографии сняты на месте бароном Брэнном»).

Это фундаментальное издание еще ждет своего исследования – сегодня можно с уверенностью сказать лишь о том, что в его издании участвовал первый профессиональный фотограф Дальнего Востока В. В. Ланин. Этот уникальный и очень дорогой для своего времени альбом

вышел в свет в 1870 г. в Петербурге. Несколько сотен видовых и этнографических фотографий сопровождалось подписями на русском и английском языках, что определенно указывало на намерение распространять издание не только в России, но и за границей.

Стасов писал, что среди вошедших в состав альбома фотографических видов «есть огромное количество таких, которые представляют сибирские местности, полные поразительных красот: горы и реки, долины

и ущелья, леса и поля заключают здесь... неисчерпаемое богатство картин, можно сказать, почти вовсе незнакомых не только Европе, но и самим русским» (Стасов, 1885, с. 6–7).

Не только Сибирь, но и другие районы обширной российской империи европейцы смогли увидеть на снимках, которые были представлены в 1875 г. в Париже на Международной географической выставке. Особым успехом на ней пользовались фотографии, вошедшие

в многотомный «Туркестанский альбом» (1871–1872). Это был один из самых значительных фотопроектов в России того времени, который создавался по специальному плану, разработанному исследователем А. Л. Куном. Альбом, в который вошло около 12 тысяч снимков, состоял из исторического, археологического, этнографического и промыслового томов.

Скорее всего, она занялась им позже. Во всяком случае, во втором очерке, рассказывающем о путешествии 1876 г., она постоянно говорит о занятиях фотографией как о знакомом и любимом деле.

Съемка на природе в походных условиях – дело чрезвычайно трудоемкое. «Стеклянные пластинки больших размеров было трудно хранить в дороге, они обременяли своей тяжестью. Надо было брать с собою складную палатку, бутылку с жидким коллодином и очувствляющий раствор, проявитель и закрепитель.

точки, но осуществить задуманное не удалось: «надо было снимать на три стекла, пока же ставили палатку и прочее, поднялся ветер с мелким снегом и мгновенно вся прелестная картина потускнела. Полтора часа мы простояли, делая попытки снять в промежутки, когда переставал снег. Перепортила я стеклов много, а толку не вышло никакого» (Полторацкая, 1879, с. 39).

Но, судя по словам Финша, трудности не могли охладить энтузиазм этой женщины: «Несмотря на все тягости и неудобства пути... генеральша немедленно

Участие в путешествиях позволило потомственной дворянке, дочери петербургского литератора и жене генерала довольно близко познакомиться с людьми из другой социальной среды. И муж, и она, и дети знали многие казахские слова, старались соблюдать некоторые обычаи. С большим сочувствием рассказывала Лидия Константиновна о том, как «муж сильно отстаивал интересы эксплуатируемых или притесняемых киргизов (казахов) и вел за них войну с крестьянами, но несмотря на это, крестьяне-зверовщики (т.е. занимавшиеся преимущественно охотой. – Н.М.) относились к нему не только не враждебно, но с почтением и истинным или притворным радушием... Кажется, им нравилось, что муж сам охотник и хороший стрелок» (Полторацкая, 1879, с. 46)

Все это имущество погружалось в экипаж, и фотограф отправлялся в путь. На месте съемок расставлялась палатка. В темноте фотограф приготавливал пластинку, заряжал кассету и только после этого мог приступить к съемке пейзажа. Если солнце скрывалось за облаком, это резко меняло условия съемки, приходилось ждать яркого света» (Морозов, 1953, с. 49).

Со всеми этими проблемами столкнулась и сама Полторацкая. Однажды она пыталась сфотографировать по просьбе мужа вид озера Маркакуль с определенной

же принялась за снятие фотографий» (Финш, 1882, с. 235). А вот слова самого фотографа: «Хотелось бы снять ясно всю эту панораму (в районе озера Маркакуль – Н.М.), но с моей маленькой камерой и крупно берущим объективом об этом и думать нечего. Сняла я два негатива, из которых уцелел один, другой же при фиксировке съехал со стекла».

Вообще поездка 1876 г. в этом отношении оказалась не очень удачной. Как грустно шутила Полторацкая, только для ее простудившихся спутников «фотография

Помимо пейзажей («видов») Полторацкая в своей серии запечатлела и людей («типы»). Очевидно, что такие особенно удавшиеся ей снимки, как «Семья султана», «Охотники с беркутами» или «Свадебный убор невесты», являются «постановочными» кадрами, сделанными с пониманием и учетом всех особенностей местной жизни

- ◀ Семья султана
- ▲ Свадебный убор невесты
- ◀ Сибирские казачки

пошла в ход, – больным я вымазала горло тинктурой йода, что стекла полируют, на все общество пожертвовала бутылку спирта из фотографии же, так как взятый с собой запас вина и водки вышел... Хотя на что-нибудь да пригодилась фотография!» (Полторацкая, 1879, с. 47). Тем не менее Финш указывал на «превосходные фотографии, мастерски снятые генеральшею» (Финш, 1882, с. 87).

Конечно, не все фотографии Полторацкой технически безупречны – на многих позитивах видны следы

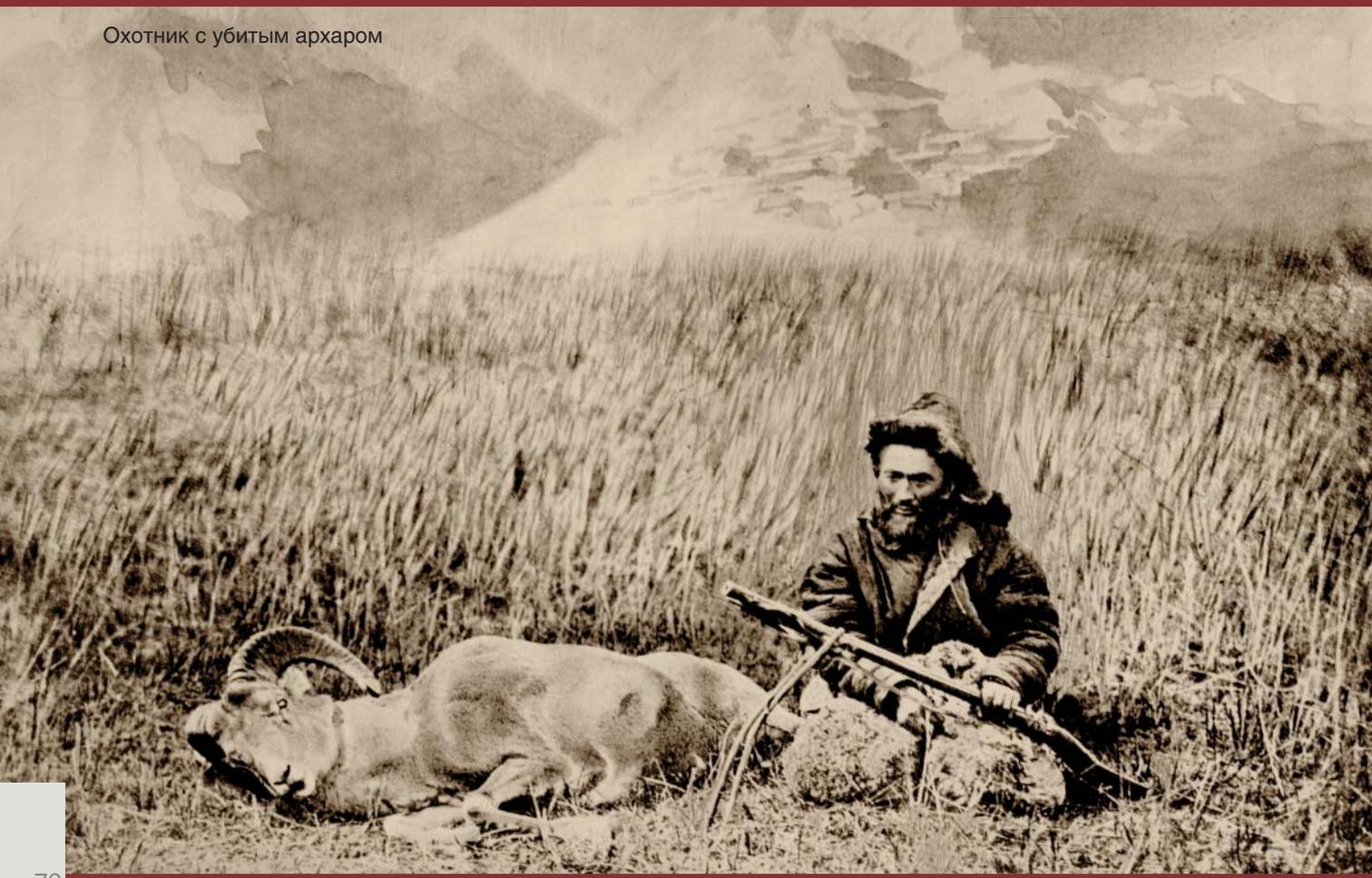
Не исключено, что склонность к исследованиям и любовь к охоте сблизили семью Полторацких с немецкими натуралистами О. Финшем и А. Бремом, участниками экспедиции Бременского полярного общества, посетивших Семипалатинскую область в 1878 г. По одной фотографии Л. К. Полторацкой был даже сделан рисунок охотника с ружьем рядом с убитой дичью, который и был помещен при статье знаменитого зоолога (Финш, 1882)

достаточно грубой ретуши; на некоторых изображении «смазано». Используемая ею оптика была еще не очень качественной, из-за чего перспективные планы иногда выходили несколько «плоскими». Однако упрекать за это Полторацкую нельзя: таков был уровень тогдашней фотографии. Очень скоро, к середине 1880-х гг., у фотографов почти не останется сложных технических проблем: утверждение нового бромжелатинового способа позволит использовать уже готовые к съемке стеклянные пластины, и армия фотолюбителей значительно возрастет.

«ВИДЫ» И «ТИПЫ»

Пока не удалось обнаружить других фотографий, сделанных Лидией Константиновной, помимо тех, что вошли в «Альбом типов и видов Западной Сибири, снятых Л. К. Полторацкой». Альбом был издан в 1879 г. небольшим тиражом (до наших дней сохранилось только несколько экземпляров) и содержал, наряду с листами с наклеенными оригинальными позитивными отпечатками, пояснительные тексты в виде типографского приложения.

Охотник с убитым архаром

Охотники с беркутами

«Туркестанский альбом» отпечатан всего в шести экземплярах, которые и были торжественно преподнесены первым лицам государства, а также ведущим научным учреждениям. Среди последних – Императорская Академия наук и Императорское Русское географическое общество, действительным членом которого состоял В. А. Полторацкий. В 1873—1874 гг. он находился в Петербурге вместе с женой, Лидией Константиновной. Супруги, несомненно,

стали свидетелями небывалого успеха в придворных и научных кругах столицы «Туркестанского альбома», который деятели географического общества готовили к показу в Париже. Кроме того, Полторацкий был известным исследователем Туркестана и, наверняка, лично знал тех ученых, административных и военных лиц, которые принимали участие в создании этого фотоальбома. Супруги Полторацкие, безусловно, не могли не заметить

и повышенного внимания к фотографии, столь характерного для Петербурга того времени, где действовало 110 фотографических заведений. Потребность в снимках, с документальной точностью показывающих ландшафты, особенности жизни и быта разных народностей, которые населяли огромную территорию Российской империи, все больше возрастала. Неоценимая визуальная информация, которую давала фотография, становилась все актуальнее для развития

научных знаний, просвещения и образования. Относительно новый «светописный» жанр также начинал играть большую роль в становлении иллюстративной периодики и издательского дела в России. Все это побудило Л. К. Полторацкую по возвращении в Семипалатинск обратиться к фотографии, с помощью которой она сумела запечатлеть и навсегда увековечить первозданную красоту Западной Сибири.

В записках Полторацкой фигурируют многие обитатели русских деревень и казахских аулов, которые она посещала. Настоящим героем очерка 1871 г. стал крестьянин-старообрядец из бухтарминской деревни Белая. «Наружность Барсукова замечательна: необыкновенно большого росту, сухощавый, плечистый, с крупными, но правильными чертами лица, напоминающими лица кариатид Эрмитажа. Большие темно-серые, умные глаза, черная с проседью борода и загорелое до невозможности лицо. В манере, в речах спокойная самоуверенность и, подчас, юмор». Много раз Полторацкая подчеркивала, что земляки Барсукова – «народ удалой, самостоятельный и смысленный», что «их толковый, свободный, вежливый склад речи просто поражает» (Полторацкая, 1871, с. 592, 587, 623). На фото – сибирский казак

Обитателей казахского аула на китайской границе очень удивило и позабавило, когда Полторацкая показала им стекло, где они могли узнать друг друга (Полторацкая, 1879) ▶

Некоторые особенности этих пояснений – прежде всего, строго научные формулировки – наводят на мысль об участии в этом издании В. А. Полторацкого. Например, вряд ли бы даже образованная дама указывала направление не словами «северо-запад» или более точными – «север-северо-запад», а характерными для географа буквами ССЗ (Альбом типов и видов..., 1879, с. 6).

В занятиях пейзажной фотографией не могла не сказаться свойственная Полторацкой любовь к природе, стремление запечатлеть ее красоту, отразившаяся и в ее очерках. Вот, например, поэтическое описание ущелья Проходное в районе речки Ульбинки: «Сквозь легкий туман ущелье казалось еще прелестнее; отблески севшего за горы солнца золотили небо и вершины скал, сквозя сквозь густую зелень пихт и елей, стоящих щетиной на гребне горы. Особенно хорош вид на седьмой версте от Ульбинска: дорога делает крутой поворот, ущелье суживается более и более, и будто замыкается высокою стеной, покрытою темным лесом; из леса вырезается громадная, голая, седая скала; у подножия ее, сердито крутятся между камнями, сверкая сквозь ели, бежит и падает каскадом ручей; на противоположной стороне высоко громоздятся красноватые скалы самыми причудливыми, фантастичными формами» (Полторацкая, 1871, с. 582).

Но, вероятно, «светопись» открыла перед Полторацкой новые выразительные возможности, хотя

снимать ее небольшой камерой удаленные виды, как она сама признавалась, было очень сложно. Однако ей были присущи несомненные художественные задатки, проявившиеся при создании композиции, выборе точек фотографирования – недаром исследователи отмечали, как удачно она «учитывала расположение отдельных групп растительности и линии очертаний гор, холмов, ледников. Она старалась “поднять” линию горизонта, отчего снимок оказывался лучше заполненным» (Морозов, 1961, с. 48).

Помимо пейзажей («видов») Полторацкая в своей серии запечатлела и людей («типы»). Подобные «постановочные» кадры сделаны не только с мастерством, но и с пониманием всех особенностей местной жизни. Об этом же свидетельствуют и очерки Лидии Константиновны, в которых она с симпатией описывала встречавшихся ей крестьян, казаков, казахов, с интересом рассказывала об их жизни, быте, нарядах, обычаях.

Когда в 1878 г. у ее мужа закончился срок пребывания в должности военного губернатора, семья вернулась в столицу. Тогда-то Полторацкая – одна из первых в России женщин-фотолюбителей и оказалась среди тех, кто принял участие в организации нового V Отдела «по светописью и ее применению» при Императорском Русском техническом обществе. Эта организация на долгие годы стала важнейшим центром развития фотографии в России.

Деятельность Л. К. Полторацкой на столь необычном для женщины того времени поприще получила заслуженное общественное признание. В 1878 г. ее снимки типов и видов Западной Сибири, экспонировались на Московской антропологической выставке, где были удостоены большой серебряной медали. Через три года Лидия Константиновна «поднесла» свою серию снимков Западной Сибири Императорскому Русскому географическому обществу, за что была награждена еще одной серебряной медалью.

Нужно заметить, что история женской эмансипации в России обычно ассоциируется с участием женщин в революционном движении, с образом нигилисток – взять хотя бы их карикатурное изображение в «Отцах и детях» И. С. Тургенева. На самом деле эмансипация коснулась женщин из самых разных социальных слоев, в том числе и из высших кругов общества. И после знакомства, пусть даже беглого, с историей жизни и творчества Лидии Константиновны Полторацкой в памяти останется другой образ эмансипированной женщины конца XIX в. – духовно богатой, творческой и созидательной натуры, не боящейся трудностей и всегда готовой к принятию нового.

Авторы и редакция благодарят И. Р. Гусалову и Е. Н. Лопатину (ФГУК «Политехнический музей», Москва) за помощь в подготовке иллюстративного материала

Литература
Альбом типов и видов Западной Сибири, снятых Л. К. Полторацкой. – СПб., 1879.

Матханова Н. П., Александрова Н. Н. Первые дамы. Сибирская провинция XIX века // Наука из первых рук. – 2007. – № 3. – С. 102–113.

Морозов С. А. Русские путешественники-фотографы. – М., 1953.

Морозов С. А. Русская художественная фотография. Очерки из истории фотографии. 1839–1917. – М., 1961.

Полторацкая Л. К. Поездка по китайской границе от Алтая до Тарбагатая // Русский вестник. – 1871. – Т. 93, № 6. – С. 580–661.

Полторацкая Л. К. Бременская экспедиция в Семипалатинской области // Природа и охота. 1879. – Т. 1, № 3. – С. 23–52.

Стасов В. В. Фотографические и фототипические коллекции Императорской Публичной библиотеки. – СПб., 1885.

Фини О. Путешествие в Западную Сибирь доктора О. Финиша и А. Брэма. – М., 1882.

В публикации использованы фотографии из «Альбома типов и видов Западной Сибири, снятых Л. К. Полторацкой» (1879), хранящегося в отделе эстампов Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург)